

законів її функціонування. Вона поступово досліджується, відкриваються нові можливості її використання, невідомі раніше властивості. У цьому аспекті слід зазначити, що злиття магічної сили та емоційного стану чарівника може призвести до активізації її пасивних можливостей. З іншого боку наукове пізнання та творчість чарівників, як, наприклад, експериментальне винайдення заклять, дозволяють використовувати якісно нові дії. У тексті наведено закляття «Levicorpus» [8] та «Liberacorpus» [8], які дозволяють здійснити підняття та опускання людини у повітря відповідно, закляття «Sectumsempra» [8], яке розрізає плоть, наче ножом, винайдені одним із персонажів книги. Згадують у романах і інші відкриття, такі як винайдення зіль:

“The potion that Professor Snape has been making for me is a very recent discovery. It makes me safe, you see. As long as I take it in the week, preceding the full moon, I keep my mind when I transform... Before the Wolfsbane Potion was discovered, however, I became a fully fledged monster once a month” [10: 258].

Ці новації у сфері використання магічної сили показують її невичерпність і непізнаність. Наведені ж вище успішні дослідження доводять її пізнаваність.

Вольове зусилля необхідне для свідомого спрямування магічної сили з метою виконання магічної дії. Саме завдяки здатності свідомо спрямовувати силу можливі цільові акти. За виключенням перерахованих вище винятків, кожне перетворення магічної сили на дію кероване волею чарівника:

“Just as long as you're concentrating really, really hard on it, it'll come” [7].

Таким чином, концепт магія відзначається у досліджуваному тексті таємничістю, необмеженістю, пізнаваністю і, одночасно, непізнаністю. На відміну від традиційної інтерпретації, у даному літературному концепті відсутній поділ на чорну та білу магію. Концепт являє собою сутнісно єдину силу, яка дає різноманітні можливості використання, включаючи полярно розташовані.

БІБЛІОГРАФІЯ

1. Антология концептов / Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. – М.: Гнозис, 2007.
2. Зусман В.Г. Диалог и концепт в литературе. Литература и музыка. – Нижний Новгород: Деком, 2001. – 168 с.
3. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика: Учеб. пособие. – Минск : ТетраСистемс, 2004. – 256 с.
4. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М.: Восток-Запад, АСТ, 2007. – 320 с.
5. Rowling J.K. Harry Potter and the Chamber Of Secrets. – [Website]. – Available from: <http://englishtips.org>. – Accessed 16.05.2006.
6. Rowling J.K. Harry Potter and the Deathly Hallows. – London: Bloomsbury, 2007. – 828 p.
7. Rowling J.K. Harry Potter and the Goblet of Fire. [Website]. – Available from: <http://englishtips.org>. – Accessed 16.05.2006.
8. Rowling J.K. Harry Potter and the Half-Blood Prince. [Website]. – Available from: <http://englishtips.org>. – Accessed 16.05.2006.
9. Rowling J.K. Harry Potter and the Order of the Phoenix. – London: Bloomsbury, 2004. – 766 p.
10. Rowling J.K. Harry Potter and the Prisoner of Azkaban. – London: Bloomsbury, 1999. – 317 p.

ВІДОМОСТІ ПРО АВТОРА

Дарія Хохель – здобувач кафедри англійської мови Кам'янець-Подільського національного університету імені Івана Огієнка.

Наукові інтереси: проблеми функціонування концептів у літературному тексті.

ТИПЫ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ И ИХ ОРГАНИЗАЦИЯ В КОГНИТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СТУДЕНТОВ УКРАИНЫ

Аркадий ЧИКИБАЕВ (Горловка, Украина)

У статті розглядаються прецедентні феномени різноманітних типів. Автор показує їх організацію у студентському когнітивному просторі.

The article deals with precedent phenomena of different types. The author shows their organization in student's cognitive area of Ukraine.

Цель статьи – показать особенности функционирования прецедентных феноменов в речи студентов-филологов.

Любое сообщество стремится к передаче своего культурного наследия от поколения к поколению. Среди значимых социально-культурных факторов его трансляции значительная роль принадлежит языку, который выполняет свою ретрансляционную

функцию, не подвергаясь существенным изменениям, следовательно, и культурное наследие, выраженное в текстовых кодах, традиционных формах речевого поведения, интериоризируется молодым поколением в соответствии с укорененными в том или ином лингвокультурном сообществе представлениями. Наиболее ярко социокультурные, этнически окрашенные представления о правильном и неправильном, одобряемом и порицаемом, дурном и хорошем, злом и добром, мужественном и трусливом, патриотическом и предательском выражены в прецедентных феноменах культуры.

Понятия «прецедентный текст», «прецедентный феномен» в различной интерпретации встречаются в трудах многих ученых (Ю.Н. Караулов, Д.Б. Гудков, Ю.А. Сорокин, Ю.Е. Прохоров, В.Г. Костомаров, А.Е. Супрун, И.М. Михалева, Н.Д. Бурвицова и др.). Общеизвестно, что термин «прецедентный» впервые использован Ю.Н. Карауловым при рассмотрении структуры и функционирования языковой личности. В частности, прецедентные тексты определялись так: «(1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, (2) имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, (3) обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [4: 216].

Прецедентные феномены (в дальнейшем – ПФ) являются основными составляющими когнитивного пространства любого лингвокультурного сообщества. По мнению Д.Б. Гудкова, существует несколько видов когнитивных пространств: *индивидуальное когнитивное пространство* – определенным образом структурированная совокупность знаний индивида, оно включает в себя различные *коллективные когнитивные пространства*, каждое из которых являет собой совокупность знаний и представлений определенного коллектива. В свою очередь, структурированная совокупность знаний и представлений, которыми обладают практически все социализированные представители того или иного лингвокультурного сообщества, определяется как *когнитивная база*. ПФ входят в когнитивное пространство при условии, что они опознаются большинством представителей лингвокультурного сообщества; это обуславливается наличием общего и стереотипического представления, лежащего в основе прецедентного феномена [1: 236]. Определенную совокупность НМДП прецедентных феноменов, входящих в когнитивную базу того или иного лингвокультурного сообщества, можно определить как *прецедентосферу*.

Основываясь на теории этногенеза Л.Н. Гумилева и уровневой организации прецедентных феноменов В.В. Красных, мы можем выделить несколько корпусов прецедентосфер в сознании молодого украинца [5: 174].

1. *Универсальная прецедентосфера*. ПФ могут входить в лингвокультурное сознание как больших количеств лингвокультурных сообществ, так и человечества в целом. В основе формирования универсальных ПФ лежит всевозрастающая интенсивность различного рода связей между странами мира: коммуникационных, политических, экономических, культурных. Прецедентные феномены тут известны среднему представителю любого лингвокультурного сообщества, в том числе и среднестатистическому украинцу (как на языке оригинала, так и в переводе), например: *Be or not to be, Coca-Cola, Cherchez la femme, Шевченко, Rolling Stones, Чехов* и т. д.

2. *Суперэтническая прецедентосфера*. Этнос, объединяющий несколько близких по духу и культуре народов, образует «*суперэтнос*», высшее звено этнической иерархии, который состоит из нескольких этносов, возникших одновременно в одном ландшафтном регионе, взаимосвязанных экономическим, культурным, идеологическим общением. Они проявляются в истории как мозаичная целостность. Так, например, можно выделить латиноамериканскую, арабскую, британо-американскую прецедентосферы и т.д. В суперэтнической системе всегда есть доминирующая лингвокультура, являющаяся как бы стержнем для всех остальных этносов, входящих в систему. Однако, воспринимая культуру доминирующего этноса, периферийные этносы смешивают свою ортодоксальную культуру с общепринятой. В качестве примера тут можно привести Римскую империю, наследницами которой считают себя все европейские страны. Как пишет Л.Н. Гумилев, «...не только

материальные блага формируют стереотип поведения людей в суперэтнотосе! Их любовь и ненависть в значительной мере связаны с подсознательной стихией психики, благодаря чему слова “свои” и “чужие” – не абстрактные понятия, а ощущения действительно существующих этнических полей и ритмов. Вот почему этносы и их скопления – суперэтнотосы существуют по тысяче лет – и не рассыпаются, как карточные домики, от случайных дуновений или потрясений...» [2: 431].

Ядро суперэтнической прецедентосферы определяется прецедентосферой доминирующего этноса. Так, например, в силу историко-культурных обстоятельств в восточнославянском суперэтнотосе на данный момент доминирует русская/советская культура. Об этом свидетельствуют результаты анкетирования, проведенного нами в вузах Юго-Востока Украины. Из всех названных студентами-филологами прецедентных феноменов более 60 процентов – имена, высказывания, тексты, входящие в концептосферу российского/постсоветского лингвокультурного сообщества: и т. д. (*Достоевский, Некрасов, Лермонтов, Пушкин, Булгаков, Букин, Наша Раша* и т.д.). Это объясняется тем, что долгое время центром, где формировалась общесоюзная образовательная программа для всех учебных заведений, была Москва. Не последнюю роль тут играют средства массовой информации, которые охватывают обширные территории и подвластны более законам рынка, нежели воле чиновника из министерства образования. Так, *Comedy Club, КВН, Дом 2* и т.д. известны в равной мере как россиянину, который проживает на Дальнем Востоке, так и украинцу из Львова.

В то же время наблюдается тенденция к тому, что постепенно ядро прецедентосферы (наиболее значимых «сильных» НМДП) современной украинской молодежи смещается более к корпусу именно украинских и украиноязычных прецедентных феноменов, что объясняется вытеснением российских и советских ПФ из образовательных программ и все более возрастающим числом украиноязычных ПФ. Как показали исследования когнитивного пространства студенчества (анкетирование), если для старшекурсников российская канонизированная прецедентосфера является в процентном соотношении преобладающей (количество названных ПФ), то у студентов-филологов младших курсов, наоборот, в сознании преобладает именно украиноязычная прецедентосфера.

Описываемые ПФ являются понятными лишь для людей, входящих в суперэтническое лингвокультурное сообщество. К примеру, в компании студентов, где присутствовали украинцы, казахстанцы, россияне и турки, игра с прецедентным высказыванием *Латша быстрого приготовления (Мивина, Ролтон) не роскошь, а средство выживания* (из романа И. Ильфа и Е. Петрова *Автомобиль не роскошь, а средство передвижения*) оказалась непонятной для турков: они потребовали разъяснений. Казахи, россияне и украинцы шутку оценили.

3. Национальная прецедентосфера. Осознание большими социальными группами своей приверженности к территории своего расселения, общенациональному литературному языку, национальным традициям и символам составляет содержание национальной культуры. Главным отличием *национальной прецедентосферы от суперэтнической* является то, что национальная прецедентосфера всегда четко очерчена политической границей, а суперэтническая прецедентосфера существует вне границ и развивается по своим законам. Мы считаем, что Украина и Россия входят в одно суперэтническое прецедентное пространство, однако национальные прецедентные пространства будут различаться. ПФ *«Бандиты должны сидеть в тюрьмах», «Маємо те, що маємо», Леся Українка, Василь Стус, Остап Вишня, Павло Тычина* не будут являться для россиян прецедентными, хотя для всех этносов, проживающих на территории Украины (греков, русских, татар и т. д.), они таковыми являются. Национальная прецедентосфера характерна для многонациональных государств, в состав которых входят народы и сообщества с разной культурой, религией, языком, но объединенные общей национальной культурой. К примеру, в СССР существовала общая для всех этносов, проживающих на его территории, прецедентосфера. ПФ *«Иван Васильевич меняет профессию», «С легким паром», Хрюша, Степашка, Сталин, Ленин* и т. д. были известны как киргизу, так и эстонцу. В то же время и у киргиза, казаха и эстонца существовал свой этнический корпус ПФ.

4. *Этническая прецедентосфера*. Этносом можно назвать сообщество людей, имеющих общую культуру, один язык, обладающих общим самоназванием и осознающих как свою общность, так и свое отличие от членов других таких же человеческих групп.. Этнос является устойчивым во времени образованием и редко может быть разделен на части, но даже, будучи разделенным, все равно тяготеет к объединению. Следовательно, *этническая культура*, по мнению Е.А. Селивановой, формируется в согласовании системы идей, схем мышления и поведения, этнических и эстетических ценностей, норм, обычаев, мифов, верований, организации быта, различных знаковых продуктов и в первую очередь – в языке [7: 278]. Л.Н. Гумилев выделил понятие «*этнического поля*», подобное известным электромагнитным, гравитационным и другим полям, но вместе с тем отличающееся от них. Проявляется факт его существования не в индивидуальных реакциях отдельных людей, а в коллективной психологии. Исследователь считает, что данные поля постоянно находятся в колебательном движении с той или иной частотой колебаний. Эти колебания, т.е. «вибрационные раздражители», имеют ту особенность, что беспрепятственно передаются из одной среды в другую и имеют общий характер с физическими явлениями. Принцип, характерный для всех этносов – противопоставление себя всем прочим. Когда носители одного ритма сталкиваются с носителями другого, то воспринимают новый ритм как нечто чужое, в той или иной степени дисгармонирующее с тем ритмом, который присущ им органически. Новый ритм может иногда нравиться, но несходство фиксируется сознанием как факт, не имеющий объяснения, но и не вызывающий сомнения. А проявляются ритмы этнического поля в неповторимом стереотипе поведения. Именно благодаря наличию этнического поля не рассыпаются на части этносы, разорванные исторической судьбой и подвергшиеся воздействию разных лингвокультур. Отсюда вытекает объяснение явления ностальгии. Человек, заброшенный в среду чужих, пусть даже симпатичных людей, ощущает странную неловкость и тоску. Но эти чувства ослабевают, когда он находит соплеменников, и исчезают при возвращении домой. При этом не имеют значения ни климатические условия, ни наличие комфорта.

Этнокультурная память – это «кладезь сведений, эмоций, фактов, откуда мы в нашей повседневности и обыденности черпаем данные для ответа на сакраментальные вопросы: кто мы есть, откуда мы и куда идем; чем гордимся в своем прошлом и настоящем, а чего стыдимся; почему это так, а не иначе; и даже зачем все это. Это не история в чистом виде, а то, как прошлое представлено в нашей сегодняшней мысли и как оно вписывается в наши знания о современном мире». Знание этнических прецедентных феноменов есть показатель принадлежности к данной эпохе и ее культуре, тогда как их незнание, наоборот, есть предпосылка отторженности от соответствующей культуры и неполной включенности в культуру. Ярче всего этот уровень очерчен в архетипических прецедентных феноменах (сказках, народных песнях, сказаниях, легендах, пословицах). Этнические ПФ несут в себе гумбольдтовский «Дух народа», его менталитет, традиции, привычки и т.д. В.И. Карасик приводит следующий пример. В русском языке есть пословица «*Не пойман – не вор*», допускающая двоякое осмысление: не схвачен в момент преступления, значит, не может быть судим (это оправдание для вора, его насмешка над законом, и в то же время это – горькая констатация того, что человек, совершивший преступление, т.е. морально виноватый, в первую очередь, не получит по заслугам). В английском действуют более жесткие нормы: *Once a thief – always a thief*. «*Один раз своровал – уже вор*» [3: 15]. Корпус этнических прецедентных феноменов тесно переплетается с корпусом национальных ПФ, однако есть существенное различие: канонизированные и неканонизированные ПФ могут быть для всех народов, проживающих внутри государства, одними и теми же, однако архетипические ПФ будут различаться. Например, для крымских татар украинские пословицы и поговорки не будут являться прецедентными высказываниями, как впрочем, и для украинцев – татарские.

5. *Субэтническая прецедентосфера*. Субэтнос – этническая система, возникшая внутри этноса и отличающаяся своими хозяйственными, бытовыми, культурными и другими особенностями. Так, субэтносомами в истории русского народа являются поморы, старообрядцы, казаки. Субэтносомами украинского народа являются гуцулы, бойки, проживающие в карпатском регионе Украины.

6. *Социумная (субкультурная) прецедентосфера.* Она является частью коллективного когнитивного пространства как отдельного социума, так и группы социумов. Социумная прецедентосфера может существовать как в определенных границах области, государства, так и на международном уровне. Сюда можно отнести профессиональную прецедентосферу (врачей), так и прецедентосферу хиппи или панков всего мира. К примеру, прецедентное высказывание *All we need is love* будет известно любому хиппи любого государства без перевода, хотя для человека другой субкультуры источники этого ПВ и его коннотации без дополнительной расшифровки будут непонятны.

7. *Микроколлективная прецедентосфера.* Сюда входят прецедентные феномены, являющиеся достоянием относительно небольшой группы людей. Прецедентными именами, к примеру студенчества, на данном уровне могут быть имена преподавателей, вахтерш общежитий, любимые высказывания преподавателей, ставшие в студенческой среде крылатыми, значимые события в жизни ВУЗа и т.д.

Все типы прецедентных феноменов принято делить на 2 группы: *канонизированные и неканонизированные.* Понятие «канонический» трактуется в словарях как 1. Соответствующий канону. 2. Принятый за образец, твердо установленный [6: 244]. В роли источников *канонизированной прецедентосферы* выступают классические (хрестоматийные) произведения науки, литературы и искусства, знакомство с которыми осуществляется в процессе специального обучения (школьное и высшее образование и пр.). По нашему мнению, ПФ является канонизированным только в том случае, если он определяется государственной типовой образовательной программой по той или иной учебной дисциплине. *Неканонизированные прецедентные феномены* (НПФ) образцу не соответствуют. Это ПФ, не входящие в образовательный канон учебных заведений, не являющиеся хрестоматийными, но твердо вошедшие в когнитивную базу определенного лингвокультурного социума.

Следует заметить, что именно канонизированная прецедентосфера посредством учебных заведений обеспечивает межпоколенную трансляцию классической (эталонной) культуры. Неканонизированные прецедентные феномены обладают достаточно коротким сроком «жизни» и являются скорее явлением моды, нежели эталоном культуры. Отсюда и коммуникативные сбои не только в межкультурной, но и в межпоколенной коммуникации.

На наш взгляд, необходимо также выделить третий уровень прецедентосферы любого лингвокультурного сообщества – *архетипическую прецедентосферу*, основанную на народных мифах, сказаниях, легендах, пословицах и поговорках. *Архетипическая прецедентосфера* задает определенную грамматику поведения, играет роль образцового примера в любых жизненно важных ситуациях, приобщает к ментальной и культурной среде конкретной общности конкретного времени. Она способствует передаче информации, традиции, уникального опыта из поколения в поколение, обеспечивает непрерывность развития культуры. Архетипическая прецедентосфера находят свое содержание в народных сказках, мифах, легендах. Каждая сказка, легенда несет в себе скрытый способ решения той или другой жизненной проблемы. Архетипическая прецедентосфера является глубинной, часто заложенной на уровне подсознания индивида, сформированной столетиями архетипической моделью мироощущения того или иного лингвокультурного сообщества. Например, выражение *Показать кузькину мать* этимологически трактуется по-разному: связывается с именем мордовского бога *Кузька* или с коми-зырянск. и коми-пермяцк. *кузь*, *кузьо* ‘черт, леший’ (из общепермск. *kuz’a* ‘хозяин’, возводимого к болгарско-чуващск.); с диал. *кузька* «хлебный жучок-вредитель *Anisoplia austriaca*», «подпускание» которого доставляло неприятности; с народн. *кузька* «плут», которого наказывают битьем, и др. Вероятнее всего, в обороте отразилось народное шутивно-ироническое сочетание *кузькина мать* «плеть» (ср. также *кузька*, *кузьма* с тем же перен. знач.), которую в день свадьбы на Кузьминки (когда на Руси отмечали свадьбы) жених клал как символ супружеской власти в сапог. Угроза *показать* такую *кузькину мать* и отражена в обороте. Есть версия, что Кузьма (Кузька) был приемным сыном и проживал с названной матерью, женщиной крутого нрава. Наказывая виновных, именно она, по-видимому, первая произнесла эти слова. Также говорят: «*Дать знать кузькину мать, узнать кузькину мать, попомнить кузькину мать.* Британцам,

французам или американцам, которые не владеют русскими культурными фоновыми знаниями, будет непонятно, кто такая *кузькина мать* и почему ее следует бояться.

Мы считаем, что прецедентные феномены религиозного происхождения также можно считать архетипическими, т. к. тысячелетие существования христианства на Руси уже на генетическом уровне впиталось в мироощущение восточных славян, перемешавшись с традиционными верованиями предков. События, верования, традиции, миропонимание, быт – все аккумулировалось в языке и генетическом коде славянина и, как следствие, отразилось в ПФ.

Таким образом, прецедентосферу современного молодого украинца, можно представить в виде трехуровневой структуры, где основой, базисом любой культуры является архетипическая прецедентосфера (имена сказочных героев, тексты народных песен и т.д.), на втором уровне располагается канонизированная прецедентосфера (тексты классических произведений, вошедшие в типовую программу образовательных учреждений, потому обеспечивающие межпоколенную трансляцию), на последнем, третьем уровне располагаются прецедентные феномены массовой культуры (тексты рекламных роликов, популярных песен, кинофильмов). Прецедентосфера украинской молодежи как совокупность НМДП может располагаться в нескольких корпусах прецедентности: *универсальном, суперэтническом, этническом, субэтническом, социумном (субкультурном), микрогрупповом.*

БИБЛІОГРАФІЯ

1. Гудков Д.Б. Прецедентные феномены в языковом сознании и межкультурной коммуникации: дисс. ... доктора филол. наук. – М., 1999. – 400 с.
2. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера земли. – М.: Эксмо, 2008. – 736 с.
3. Карасик В.И. Непонимание юмора в межкультурном общении // Язык, коммуникация и социальная среда. Вып.1. Межвузовский сборник научных трудов. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2001. – С.13–27.
4. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. – 263 с.
5. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 375 с.
6. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М.: Советская энциклопедия, 1973. – 846 с.
7. Селіванова О.О. Сучасна лінгвістика: термінологічна енциклопедія. – Полтава: Довкілля-К, 2006. – 716 с.

ВІДОМОСТІ ПРО АВТОРА

Аркадій Чикібасв – аспірант кафедри мовознавства та російської мови Горлівського державного педагогічного інституту іноземних мов.

Наукові інтереси: когнітивна лінгвістика.

СТЕРЕОТИПИ «OSSI» І «WESSI» У СУЧАСНІЙ НІМЕЦЬКІЙ ПРЕСІ (ФУНКЦІОНАЛЬНИЙ АСПЕКТ)

Ірена ШКІДА (Київ, Україна)

У статті розглянуто німецькі стереотипи «Ossi» і «Wessi», подано опис їхніх ознак, властивостей та функціональних характеристик; проаналізовано засоби вираження та особливості вживання цих стереотипів у сучасній німецькій пресі.

The apportionment of German stereotypes «Ossi» and «Wessi» is investigated in this paper. The description of their features, attributes and functional traits is given. The means of their expression and the use distinctions of these stereotypes in the modern German press are analyzed.

Об'єктом дослідження в статті є номени «Ossi» і «Wessi» у комунікативному просторі Німеччини, **предметом** – особливості їхнього вживання та функціонування як стереотипів у сучасній німецькій пресі. Відповідно нами поставлені такі **завдання**: 1) довести природу номенів «Ossi» і «Wessi», 2) визначити засоби їхньої мовної реалізації, 3) провести аналіз вибірки газетних повідомлень на предмет їхнього вживання як стереотипів. **Мета** роботи полягає у встановленні та інтерпретації функцій зазначених номенів.

Потреба теоретичного дослідження стереотипів пов'язана із незадовільним ступенем вивчення функціонального аспекту їхнього використання. Кількість соціально-психологічних праць з даної проблематики значно переважає кількість мовознавчих. Необхідний подальший аналіз функцій (когнітивної, фатичної, символічної), які наводить, наприклад, Роман Якобсон у своїй комунікативній моделі [5]. На прикладі категорій «Ossi» і